

Володина Евгения Михайловна

"ПАРИЖСКИЙ ТЕКСТ" В ПРОЗЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ КАК СВЕРХТЕКСТ

Статья посвящена изучению "парижского текста" прозы первой волны русской эмиграции как сврхтекста. В работе городской текст, который создавался писателями-эмигрантами, рассматривается как сврхтекст, выделяются признаки этого текстового образования, приводятся примеры. Данный городской текст осмысливается как единое целое, а не раздробленные тексты. Делается попытка оформить интерпретирующий код "парижского текста" первой волны эмиграции, неразрывно связанного с мифом, который организует этот городской текст.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 46-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE PECULIARITIES OF THE SOCIAL AND POLITICAL ESSAYS BY ARSEN KOTSOEV

Valieva Tat'yana Iosifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
nosu@nosu.ru

The article studies the peculiarities of the journalistic creative work of a prominent Ossetian writer, educator Arsen Kotsoev. The main content of the research makes the analysis of different subject matter of his social and political essays both in the social-economic sphere, and in the sphere of education, enlightenment and culture. In the work the educational activity by Kotsoev is touched upon. On the basis of the conducted study the author comes to the conclusion that in solving “sore subjects” of the society the writer is one of the most progressive educators of his time.

Key words and phrases: journalism; enlightenment; journalistic activity; the subject matter of the articles; patriarchal-feudal vestiges; social-economic questions; public education; Ossetian literature.

УДК 82.0

Филологические науки

Статья посвящена изучению «парижского текста» прозы первой волны русской эмиграции как сверттекста. В работе городской текст, который создавался писателями-эмигрантами, рассматривается как сверттекст, выделяются признаки этого текстового образования, приводятся примеры. Данный городской текст осмысливается как единое целое, а не раздробленные тексты. Делается попытка оформить интерпретирующий код «парижского текста» первой волны эмиграции, неразрывно связанного с мифом, который организует этот городской текст.

Ключевые слова и фразы: сверттекст; эмиграция; «парижский текст»; текст о городе; литература русского зарубежья.

Володина Евгения Михайловна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
jenulenk05@mail.ru

«ПАРИЖСКИЙ ТЕКСТ» В ПРОЗЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ КАК СВЕРХТЕКСТ[©]

Наиболее интересным и востребованным в современном литературоведении наряду с городским текстом является понятие сверттекста. Это понятие активно обсуждается в научных кругах. Выдвигаются разные определения этого понятия и разграничиваются его связи с интертекстом и гипертекстом (данная проблема описывается в статье О. С. Шуруповой «К вопросу о сверттексте» [14]).

Н. Е. Меднис трактует сверттекст как «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [8]. Важнейшей чертой сверттекста является общность единого интерпретирующего культурного кода, выраженного во внетекстовых связях и связанного с мифом, присутствующим в сознании писателей и читателей.

Н. Е. Меднис в статье «Феномен сверттекста» [Там же] приводит 6 признаков сверттекста: 1) единый концепт; 2) наличие ядра и периферии; 3) синхроничность; 4) смысловая целостность; 5) языковая общность; 6) динамичные границы.

Используя эти критерии, попробуем доказать, что «парижский текст» является сверттекстом.

На сегодняшний день существует огромное количество городских текстов. Исследуются петербургский, римский, венецианский, берлинский и др. тексты. Споры о существовании такого явления, как городской текст, ведутся до сих пор, например, вопрос о существовании «петербургского текста» – сборник статей «Существует ли Петербургский текст?» [10].

Вопрос о выделении «парижского текста» уже давно стоит перед учеными. Связано это со сложностью выделения его параметров и главного интерпретирующего кода [1; 8].

Говоря о текстах писателей-эмигрантов первой волны, таким кодом будет разрушение мифа о Париже как городе-празднике. Для русских эмигрантов возможность уехать в Париж была спасением, но их постигло разочарование. Вместо праздника, веселья и богатства они окунулись в жизнь окраин Парижа, праздник покидал их жизнь, оставляя одни серые трудовые будни.

«Парижский текст» русской литературы первой волны эмиграции – это особый сверттекст, наподобие «петербургского текста» или «венецианского».

Этот свертхтекст имеет свой корпус произведений, вот лишь некоторые из них: рассказы Тэффи [11], роман Б. К. Зайцева «Дом в Пасси» [4], Г. Газданов «Ночные дороги» [2], И. С. Шмелев «Няня из Москвы» [13].

Н. Е. Меднис говорит о том, что Париж динамичен и разнообразен, это все затрудняет формирование единого интерпретирующего кода [8]. Е. В. Кузнецова в статье «Парижский текст Гайто Газданова» [7] под кодом понимает сам парижский текст, «объясняющий особенности эмигрантского мировосприятия, специфику эмигрантской рецепции локального городского текста как сложной семиотической структуры, содержащей своеобразие национального менталитета» [Там же, с. 223]. Но в данной статье автор не указывает, что же такое «парижский текст», поэтому невозможно данную мысль взять за основу.

На наш взгляд, для «парижского текста» таким кодом может стать факт эмиграции писателей из России. Именно это событие служит центром фокализации данного свертхтекста. Писатели-эмигранты могут по-разному описывать Париж, но код в понимании их произведений будет крыться в отсутствии Родины. Это связано и с мифом, который лежит в основе «парижского текста» первой волны русской эмиграции. Чтобы этот миф зародился в сознании не только одного человека, должно произойти какое-либо грандиозное событие или перемена.

Возможно предположить, что миф о Париже – городе-празднике – возникает как раз в 20-е годы XX века. В книге И. Комбо «История Парижа» [6] глава, посвященная городу в начале XX века, носит название «Париж – это праздник?». В главе рассказывается, что Париж начала века – это праздник буржуазии, деятелей культуры, богемы, он продолжается в 1921-1926 гг. «Это начало того сумасшедшего времени, которое охватило все 20-е годы. Парижский праздник – это безрассудство, насмешка, как свежий и глубокий глоток воздуха после четырех лет войны» [Там же, с. 119], в то время как в России происходят революция, гражданская война, разруха и вынужденная эмиграция.

Также не стоит забывать, что миф Парижа имеет прочную связь с культурным наследием предшествующих эпох, с литературой, философией и художественной культурой Франции. Париж как средоточие исторической памяти; столица искусств и моды. Парижский стиль, парижское изящество, парижская галантность, парижская просвещенность, парижский рационализм, парижские свободолюбие и революционность, парижская буржуазность и парижская «богемность», дух естественных наук, капитализации и индустриализации – вот те субъекты, которые неизменно составляют художественный код Парижа в мировом искусстве.

Как и за парадным, величественным Петербургом скрываются бедность, нищета, страдания, так и за ярким, красочным Парижем таятся бедные судьбы русских эмигрантов. Именно поэтому Тэффи напишет такие слова в своем самом знаменитом рассказе: «вышел русский генерал-беженец на плас де ла Конкорд, посмотрел по сторонам, глянул на небо, на площадь, на дома, на магазины, на пеструю говорливую толпу, – почесал в переносице и сказал с чувством:

– Все это, конечно, хорошо, господа. Очень даже все это хорошо. А вот... ке фер? Фер-то ке?» [11, с. 184].

Для русских эмигрантов XX века Париж – это город жизни, это спасение. В их сознании Париж выглядел, да и в сознании многих людей, как блестящая столица мира, город счастья и радости. Поддавшись этому мифу, многие и бежали из России во Францию. Но воплотить миф в жизнь смогли лишь единицы.

Для многих русских Париж – это миф (город счастья), а для всего мира – это не миф. Это, безусловно, красивый, с богатой культурой город, но далеко не рай. Многие, в том числе и Тэффи, бывали в Париже прежде, они всё видели и всё понимали.

Об этом особом отношении русских к Франции говорит и цитата из романа Скотта Фицджеральда «Ночь нежна»: «Шофер, настоящий русский боярин времен Ивана Грозного, добровольно взял на себя обязанности гида, и такие названия, как Ницца, Канн, Монте-Карло, засияли во всем блеске сквозь тусклый камуфляж обыденности, повествуя о государях, приезжавших сюда пировать или умирать, о раджах, швырявших английским танцовщицам глаза Будды, о русских князьях, превращавших свои дни и ночи в сплошные балтийские сумерки воспоминаниями о былом икорном раздолье. Русский дух был особенно силен на побережье – всюду попадались русские книжные магазины, русские бакалейные лавки, сейчас, правда, заколоченные. В те годы с окончанием сезона на Ривьере закрывались православные церкви, и запасы сладкого шампанского, любимого напитка русских, убирались в погреба до их возвращения. “В будущем сезоне вернемся”, – говорили они, уезжая, но то были праздные обещания: они не возвращались никогда» [12, с. 23].

Раньше русские приезжали во Францию для того, чтобы радоваться жизни, веселиться, отдыхать. Они не думали, что эта страна приютит их после революции. В романе Ивана Шмелева «Няня из Москвы» мы встречаем такую фразу: «Ну что ж, что небогато живут, а кто теперь богато-то живет! Сыты, обуты, – и слава Тебе, Господи» [13, с. 352]. Она уже не так красиво и гордо звучит. Изменилось время, изменилась и жизнь.

Центром «парижского текста», его ядерным субтекстом можно считать рассказ Тэффи «Ке фер?». Название этого рассказа вошло в обиход, в поговорку, в постоянный рефрен эмигрантской жизни. Марк Алданов говорил: «Ведь вас, Надежда Александровна, можно сравнить с самим Грибоедовым. Как его строки из “Горя от ума” стали поговорками, так и ваши словечки и выражения вошли в эмигрантский язык и обогатили его. Не счесть алмазов в каменных пещерах! Чего стоит одно ваше знаменитое “Ке фер? Фер-то ке?”» [9, с. 114]. Безусловно, все писатели читали этот рассказ, который наиболее точно показывает всю суть жизни эмигрантов: каждодневный ответ на вопрос «Что делать?», что является ядерным текстом, определяющим интерпретационный код. Также важную роль этого рассказа выделяет А. М. Зверев, говоря о том, что «многое Тэффи уловила со своей неизменной наблюдательностью. И выразила точно, хотя с оттенком шаржа» [5, с. 9].

Синхронность текстов обуславливается историческими рамками – эпоха первой волны эмиграции (1920-1940-е годы). Только прочитав тексты Тэффи, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, Г. Газданова, мы увидим, что все они объединены общим кодом.

Смысловая цельность «парижского текста» первой волны русской эмиграции заключается в сходном восприятии Парижа всеми авторами. В их произведениях возникает единый образ «Парижа», который отличается от рецептов писателей XVIII или XIX веков.

Эстетическая общность обусловлена константами – оппозициями, на которых строятся произведения. Главной является оппозиция «свое – чужое». Она порождает оппозицию «Россия – Франция», «Петербург/Москва – Париж» и т.д. Но при этом они сознательно уходят от клише и штампов, описывающих Париж в предыдущих веках. Объединяют тексты писателей-эмигрантов и общие образы. Одним из таких служит образ няни. Писатели-эмигранты первой волны русской эмиграции, такие как З. Гиппиус «Николово пожаление» [3], И. С. Шмелев «Няня из Москвы» [13], создали объединяющий их произведения персонаж. Няня – это образ той далекой, ушедшей России, который сохранился в их теперь уже парижской жизни. Няня – это символ, который является олицетворением всей русской культуры, народной жизни, его традиций, законов, которые уже стали исчезать в эмигрантской жизни.

Безусловно, все образы являются не уникальными, они не свойственны только парижскому тексту, но совокупность текстового и внетекстового раскрывают их принадлежность именно к особым образам «парижского текста». Так как для сверхтекста характерна связь внетекстовых образований, которые раскрывают его смысл.

Границы сверхтекста в данном случае очерчены историческими рамками, но динамичность границ тоже может проявляться. Это связано с тем, что корпус тестов литературы русского зарубежья постоянного пополняется, т.к. исследователям становятся доступны тексты, которые ранее были под запретом.

Таким образом, представляется возможным выделить парижский текст писателей первой волны русской эмиграции как сверхтекст, который имеет свою модель, построенную на семиотическом квадрате, в основании которого лежат оппозиция «своё – чужое», у этого текста есть свои устои и свои мастера: Тэффи, Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев, Г. Газданов, А. И. Куприн, З. Н. Гиппиус.

Список литературы

1. Белова Н. А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Югорского государственного университета. 2011. № 1. С. 71-77.
2. Газданов Г. Ночные дороги: роман. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2014. 288 с.
3. Гиппиус З. Н. Арифметика любви (1931-1936) / сост., вступ. статья, коммент. А. И. Николокина. СПб.: Росток, 2003. 640 с.
4. Зайцев Б. К. Дом в Пасси: роман. Берлин: Парабола, 1935. 161 с.
5. Зверев А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920-1940. М.: Молодая гвардия, 2011. 368 с.
6. Комбо И. История Парижа. М.: Весь мир, 2002. 176 с.
7. Кузнецова Е. В. Парижский текст Гайто Газданова // Гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 223-229.
8. Меднис Н. Е. Феномен сверхтекста [Электронный ресурс]. URL: http://zar-literature.ucoz.ru/load/nauchnaja_biblioteka/obshhee_literaturovedenie/mednis_n_e_fenomen_sverkhteksta/13-1-0-48 (дата обращения: 21.08.2015).
9. Одоевцева И. На берегах Сены. СПб.: Азбука-классика, 2008. 480 с.
10. Существует ли Петербургский текст?: сб. ст. / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 402 с.
11. Тэффи / сост. Л. С. Калужная. 3-е изд. М: Звонница-МГ, 2008. 352 с.
12. Фицджеральд Ф. С. Ночь нежна: роман / пер. с англ. Е. Калашниковой. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. 416 с.
13. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1998. Т. 3. Рождество в Москве: роман, рассказы. 354 с.
14. Шурупова О. С. К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. 1. С. 225-227.

“PARISIAN TEXT” IN THE PROSE OF THE RUSSIAN WRITERS OF THE FIRST EMIGRATION WAVE AS A HYPERTEXT

Volodina Evgeniya Mikhailovna
Herzen State Pedagogical University of Russia
jenulenk05@mail.ru

The article aims to study “Parisian text” of the prose of the first wave of Russian emigration as a hypertext. The urban text which was created by the émigré writers is considered in the paper as a hypertext, the author distinguishes the features of this textual formation, provides the examples. This urban text is interpreted not as the scattered fragments but as an integrated whole. The researcher tries to identify the interpreting code of a “Parisian text” of the first emigration wave closely associated with the myth which organizes this urban text.

Key words and phrases: hypertext; emigration; “Parisian text”; urban text; Russian émigré literature.